

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-84-90
УДК 32.019.5(045)

Влияние социально-политической идентификации современной молодежи на представления о моральных ценностях и нормах

Т.В. Евгеньева
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Представители молодого поколения используют сегодня собственные оценки, основанные на моральных ценностях и нормах действий политических акторов. Однако при более детальном анализе можно заметить размытость критериев, по которым оценивается какое-либо политическое решение или действие. В связи с этим возникает вопрос о специфике понимания молодыми поколениями тех моральных ценностей и норм, которые служат обоснованием предлагаемых оценок. Эмпирическую базу исследования, о котором говорится в данной статье, составляют результаты проекта «Моральное и политическое в сознании российской молодежи: ценностные ориентации, этические представления и политические установки», проведенного в 2020–2021 гг. Предлагаемая статья затрагивает вопрос о влиянии социально-политической идентичности представителей молодого поколения на их моральные оценки политических явлений и процессов. Результаты исследования показывают особое внимание молодых респондентов к ценностям справедливости, свободы, прав человека и самореализации.

Ключевые слова: молодежь; моральные ценности; политические представления; идентификация; «свои»; «чужие»

Для цитирования: Евгеньева Т.В. Влияние социально-политической идентификации современной молодежи на представления о моральных ценностях и нормах. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(2):84-90. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-84-90

ORIGINAL PAPER

The Influence of the Socio-political Identification of Modern Youth on Notions of Moral Values and Norms

T.V. Evgenieva
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

Representatives of the younger generation today offer their own assessments of the actions of political actors based on moral values and norms. However, with a more detailed analysis of such assessments, one can notice the blurring of the criteria by which any political decision or action is evaluated. In connection with this, the question arises about the specifics of understanding by the young generations of those moral values and norms that serve as a justification for the proposed assessments. The empirical basis of the study is the results of the project “Moral and political in the minds of Russian youth: value orientations, ethical ideas and political attitudes”, implemented in 2020–2021. The proposed article touches upon the issue of the influence of the socio-political identity of the representatives of the younger generation on their moral assessments of political phenomena and processes. The results of the study show the special attention of young respondents to the values of justice, freedom, human rights, and self-realization.

Keywords: youth; moral values; political ideas; identification; “ours”; “aliens”

For citation: Evgenieva T.V. The influence of the socio-political identification of modern youth on notions of moral values and norms. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(2):84-90. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-84-90

ВВЕДЕНИЕ

Многие современные исследования политической культуры современной молодежи выявляют ее особый, часто обостренный интерес к вопросам морали.

Замечено также, что при всей размытости предлагаемых моральных критериев участников обсуждений в них присутствует тенденция оценивать действия отдельных субъектов в зависимости от позиционирования их в качестве принадлежности к некоторым очень условным общностям. Личности или группы, составляющие часть близкого к нам окружения (семья, друзья, группы постоянного общения в сети Интернет с похожими интересами и оценками), или те социальные, культурные или политические общности, идеи и представления которых кажутся близкими, воспринимаются нами в качестве условных «своих». При этом в качестве «чужих» часто выступают те субъекты, которые в той или иной степени связаны с властью, государством, его институтами и представителями. При этом «своим» приписываются более приемлемые моральные цели и мотивы, чем «чужим».

Проблема более подробного анализа содержания декларируемых молодежью моральных ценностей, критериев оценки конкретных политических действий и событий стала главной в исследовании «Моральное и политическое в сознании российской молодежи: ценностные ориентации, этические представления и политические установки», проведенном в 2020–2021 гг. под руководством доктора политических наук А.В. Селезневой. Подробные результаты исследования были представлены в сборнике «Новая политическая этика российской молодежи» [1]. Предлагаемая статья затрагивает одно из направлений анализа — вопрос о влиянии социально-политической идентичности представителей молодого поколения на их моральные оценки политических явлений и процессов.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Первая часть проблемы, связанная со спецификой восприятия современным молодым поколением моральных ценностей и влиянием ее на оценку политических процессов, опирается как на концептуальный политико-философский анализ современного морального сознания [2–5], так и на исследования, проводимые в рамках научного направления, получившего

в последние десятилетия название «политическая этика» [6–9].

Вторая часть — ответ на вопрос, каким образом социально-политическая самоидентификация личности влияет на критерии оценки происходящего в качестве морального или аморального, опирается на современные концепции идентичности, в том числе социально-политической и групповой [10–14].

Эмпирическая часть исследования проводилась с помощью качественных и количественных методов (анкетный опрос, фокус-групповые дискуссии, экспертные опросы и дискуссии) в 63 регионах Российской Федерации. Всего были опрошены 1705 респондентов в возрасте 18–30 лет. Фокус-групповые дискуссии проводились с участием молодежи в возрасте от 14 до 30 лет из 16 субъектов РФ.

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Результаты исследования показывают особое, обостренное внимание молодых респондентов к ценности справедливости. Каковы же критерии, на основании которых они определяют конкретное действие в качестве справедливого или несправедливого?

Лишь небольшая часть респондентов (16%) критерием справедливости назвала следование правде, честность и порядочность, т.е. справедливое поведение каждой отдельной личности.

Примерно одна четверть респондентов (27%) критерием справедливости называет равенство перед законом.

Значительная часть респондентов (58%) подчеркивает равные возможности, равенство в распределении, воздаяние за содеянное. Все названные критерии обладают одной важной характеристикой. В них подразумевается наличие субъекта, обеспечивающего это равенство, осуществляющего распределение и воздаяние («Если одна группа людей, работая столько же, сколько и другая, а то и больше, получает меньшее вознаграждение, то стоит предпринимать меры для выравнивания этого положения»). В качестве такого субъекта, как правило, называется или просто подразумевается государство («Справедливая политика государства нивелирует стартовые возможности для детей из разных групп населения с помощью доступного качественного образования, медицины и обеспечения базовых потребностей»).

В российской политической культуре исторически сложилось своеобразное двойственное отношение к государству, его институтам или представителям. С одной стороны, это отчуждение и недоверие как к некоему слишком далекому и не до конца понятному субъекту, с другой — вера в то, что этот субъект почему-то должен решить наши проблемы, обладает достаточными ресурсами для их решения, а если не решает — то просто не хочет, и его нужно попросить или заставить (эту ориентацию принято определять как патерналистскую).

Государство само часто не стремилось объяснить обществу подробности тех или иных принимаемых решений, информировать об их мотивах или возможных последствиях. И сегодня решения, принимаемые государственными институтами, часто выглядят в глазах граждан непонятными и, следовательно, необоснованными. А даваемые пояснения либо сложны для понимания массовым сознанием, либо носят откровенно рекламно-агитационный характер. С другой стороны, значительная часть граждан особенно и не стремится к глубокому пониманию происходящего в политике.

В результате восприятие государства, его институтов или шире — абстрактной власти — это восприятие некоего далекого и чуждого субъекта, «чужого». Незнание, непонимание вызывает недоверие. Образ «чужого», непонятного и потому опасного сохранился в сознании современного человека со времени архаического сообщества и может актуализироваться (стихийно или целенаправленно) в определенные периоды под влиянием настроений тревоги и неуверенности.

Исследования последних лет показывают, что восприятие государства, его институтов и представителей («чиновник», «депутат») в качестве своеобразных «чужих» особенно характерно для молодежи [11, 12]. «Свои» же — это семья, друзья (в том числе из сети Интернет), близкое окружение. Интересно, что значительная часть респондентов в качестве аморального поступка оценила «предательство соратников», в то время как «измена Родине» оказалась по значимости на одном из последних мест [1, с. 52].

Что касается патернализма, то обращение к власти «за справедливостью» тоже можно назвать традиционной формой ориентации граждан. Сегодня эта форма чаще носит персонафицированный характер. На фоне «чужих» во власти некоторые руководители или политики

(стихийно или в результате целенаправленной PR-активности) формируют образ своеобразного «своего», защитника народа, справедливости.

Это могут быть, например, руководители регионов или активные политические деятели, объявляющие себя в оппозиции к власти. В ответах респондентов можно отметить тенденцию оправдывать даже очевидные нарушения закона такими «народными защитниками». На вопрос о том, проголосовали бы участники фокус-групп за мэра или губернатора, нарушающего закон, значительная часть ответила «да», если этот человек действует в интересах жителей региона («Я бы его переизбрал... например, если взятки не вредят развитию самого региона»; «Мы помним, что Фургалу вменяли убийство в 2000-х. На самом деле, я этому верю, потому что подобные случаи и у нас в Приморском крае бывали... Скорее, проголосовал бы»).

В этих примерах можно заметить и специфическое отношение ко второму названному респондентами критерию справедливости — равенству перед законом. Многие респонденты, рассуждая о соотношении закона и справедливости, честно признаются в том, что законы знают очень плохо, воспринимают их как что-то относительное («Незаконно, но должно быть законно»; «Иногда нормы права, которые принимаются законодателем, могут, в том числе, нарушать принцип справедливости с той точки зрения, что они не соответствуют, например, Конституции»). Кроме того, респонденты предъявляют различные требования в отношении соблюдения законов к власти («чужим») и к тем, кого они воспринимают в качестве «своих». Показательный пример — при оценке степени каких-либо действий граждан нарушение Конституции или законов не оценивается как значимое. Но при оценке действий представителей власти респонденты часто обвиняют их именно в нарушении законов, даже если законы не были нарушены.

Можно говорить также о незнании гражданами структуры государственных институтов, непонимании их функций, сферы ответственности и того, как происходит взаимодействие между ними. Поэтому письма о помощи и защите пишутся на всякий случай одновременно во все возможные инстанции, при этом желательно к конкретному политику. Неслучайно так популярна была всегда «прямая линия» Президента В. В. Путина, к которому многие обращаются в поисках справедливости.

Обе эти тенденции — отчуждения и патернализма — часто действуют одновременно, что достаточно четко проявилось в результатах исследования.

Указанная выше тенденция восприятия моральных норм — влияние образа субъекта на оценку конкретных действий или событий — заметно проявляется и при анализе ответов респондентов, касающихся остальных ценностей — свободы, прав человека и потребности в самореализации, которые большинство называет в качестве наиболее значимых [1].

Сегодняшнее медийное пространство ориентирует молодого человека на неограниченное понимание свободы. При этом сама свобода представляется, прежде всего, как отсутствие каких-либо ограничений. То есть свобода — это «свобода от», что близко к понятию независимости. Понимание «свободы для» в ответах респондентов встречается намного реже. Можно предположить, что последние два года с их пандемийными ограничениями в определенной степени обострили не всегда четко рационализированные переживания, связанные с ощущением отсутствия свободы. Отсюда ответы типа: «Это когда я могу выйти на улицу, и мне за это ничего не будет». Более осмысленный вариант, как правило, связан с часто артикулируемой респондентами потребностью в самовыражении или в самореализации («Возможность совершать выбор, который сделает меня счастливым»; «Свобода — это возможность саморазвиваться, самосовершенствоваться»).

Важно отметить, что ни потребность в самореализации, ни желание свободы часто не связаны с необходимостью взять на себя ответственность. Субъектом реализации этих потребностей, тем, кто должен обеспечить необходимые условия для жизни и деятельности молодых людей, как правило, является государство.

Данная ориентация, определяемая как патерналистская, традиционно была свойственна российской культуре. Однако тенденция эта обостряется, когда мы начинаем анализировать именно молодое поколение, где чувство ответственности еще не до конца сформировано — как по объективным причинам (они еще всерьез ни за что не отвечали), так и под влиянием специфики медийного дискурса в целом, особенно в сети Интернет, где сама идея о том, что следует отвечать за свои слова или действия, не воспринимается достаточно серьезно.

Самовыражение в интернете не требует и не предполагает осуществления какой-либо реальной деятельности, — достаточно о ней заявить. А одним из способов привлечения к себе внимания становится нарушение привычных норм, высмеивание общепринятых критериев социально приемлемого/неприемлемого. Это внешне напоминает процесс, который М. Бахтин определял как «карнавализация». Однако то, что он понимал как способ своеобразного «принятия» трагического, дающий возможность пережить трагедию, сегодня превращается в технологию привлечения внимания к себе и своим высказываниям. А «веселая относительность», которую он считал адаптационной реакцией на проявления хаоса и нестабильности становится привычным образом взаимодействия.

С этой точки зрения интересно, что абсолютную неготовность к ответственности проявляют представители наиболее юной когорты молодежи, социализация которой происходит в пространстве сети Интернет. В этой когорте при ответе на вопрос о готовности жертвовать чем-либо был сформулирован ответ, наиболее четко отражающий восприятие по модели «свой»-«чужой» («Ради страны — ничем. Ради некоторых людей — жизнью»).

Те, кто постарше, чаще говорят об ответственности, но это ответственность за себя и своих близких («свои») и в меньшей степени — за «других»: общество или страну («Беру ответственность за будущее страны через ответственность за свое личное будущее в этой стране»; «Я хочу брать ответственность за свое будущее, то есть реализовать себя в деятельностном и личностном планах, иначе говоря, заниматься интересным для меня делом и быть в гармоничных отношениях с любимым человеком и людьми вообще. Брать на себя обязательство бороться за будущее страны сегодня попросту опасно»). Интересно, что при этом страна или государство воспринимается, скорее, как простое пространство, в котором человек в данный момент находится [«Я считаю, что никто никому ничего не обязан по умолчанию... долг гражданина это, якобы, сделать что-то для государства, в котором ты родился и живешь только потому, что ты тут родился и живешь (хотя человек сам не выбирает, где родиться)»].

Желая быть свободным и независимым в своей самореализации, но не принимая на себя ответственности, молодой человек не чувствует себя полностью самостоятельным субъектом

и неосознанно пытается переложить ответственность на другие субъекты. Хотя это и не является предметом данного исследования, хочется вспомнить широко распространенную в последнее время формулировку «токсичные родители», на которых очень удобно переложить вину за собственные проблемы или неудачи.

Однако основным субъектом, который должен, по мнению респондентов, обеспечить им удовлетворение потребностей в свободе и самореализации, является государство. То самое государство, по отношению к которому у молодого человека обязанностей и ответственности нет. По отношению к государству используется слово «должно». Государство должно «создавать условия жизни», «обеспечить безопасность», «условия для образования», «качественную медицинскую помощь» и т.д., т.е. все условия для свободы и комфортной самореализации.

Таким образом, по отношению к ценности свободы и самореализации мы можем наблюдать ту же специфику восприятия, которая отмечалась выше по отношению к пониманию справедливости. Есть мы («свои»), которым требуется свобода и условия для самореализации, и государство («чужие»), частью которого я себя не воспринимаю (хотя и признаю иногда гражданином), но от которого жду обеспечения реализации моих потребностей. Очень похоже на типичное понимание жалующихся на «токсичных родителей» (те же «чужие») — они ничего не дали, но подавляют мою личность.

В понимании ценности прав человека мы можем увидеть похожую, но немного по-иному артикулируемую закономерность. По результатам опроса, эта ценность находится на одном из первых по значимости мест, наряду со свободой и самореализацией.

На первый взгляд может показаться, что здесь присутствует то же содержание, которое принято вкладывать в эту ценность в рамках либерального дискурса. Однако при конкретизации выбора в процессе обсуждения в фокус-группах респонденты обращают внимание на субъект, по отношению к которому возникает вопрос о правах: «Права человека — это права моей личности или права близкого (социально, культурно, политически) мне окружения, т.е. “своих”». О правах «других», например, различных меньшинств, которые всегда на первом месте в либеральном подходе, речи не идет. Если сравнивать оценки степени моральности/аморальности тех или

иных действий институтов власти, то при том, что нарушение прав или безразличие к проблемам народа в целом находится на одних из первых мест (выше только коррупция, насилие и убийства), нарушение прав конкретных социальных групп, характеризующихся в качестве меньшинств, оказывается на одном из последних [1, с. 52].

Еще в меньшей степени права человека действуют по отношению к тем, кого респонденты категоризируют как «чужих».

Говоря о проблеме прав человека, следует еще раз подчеркнуть, что большинство российских граждан, в том числе молодых, как уже было сказано выше, не обладает серьезными правовыми знаниями.

Еще одним примером действия дихотомии «свой»-«чужой» в восприятии моральных ценностей является оценка молодежью таких понятий, как правда, искренность и честность. Во всех ответах респонденты подчеркивают необходимость наличия данных качеств у политиков. И практически ни разу не шла речь об искренности и честности по отношению к себе. Информация, которую выкладывают пользователи, особенно молодые, в сети Интернет, может на первый взгляд показаться примером искренности и открытости, однако, если смотреть глубже, большинство из них предлагают нам сконструированную картинку (в данном случае не столь важно, насколько процесс конструирования является до конца осознанным), не всегда позволяющую представить себе реального человека. То есть делают ровно то же, что и политики, стремящиеся понравиться избирателям.

ВЫВОДЫ

Анализируя полученные результаты исследования моральных ценностей современной российской молодежи, можно сделать следующие выводы. Несмотря на то что в целом существует определенный консенсус по поводу степени значимости тех или иных ценностей, в том, что касается их смыслового наполнения, есть целый ряд противоречий. Серьезное влияние на представления молодых людей о содержании этих ценностей оказывает идентификационная модель «свой»-«чужой».

Т.В. Карадже объясняет это тем, что «политическое это особая конфликтогенная сфера, сфера столкновения интересов, где интересы являются тем водоразделом, который делит мир на “своих”/“чужих”, “друзей”/“врагов”,

«союзников»/«соперников» [7, с. 6]. Однако данная модель в сознании современной молодежи распространяется не только на политическую самоидентификацию.

Образ «своих» не связан напрямую с социальной, профессиональной или политической принадлежностью личности. Это скорее образ ближайшей к ней части социальной среды, в которую может входить (но не обязательно входит) семья, друзья и обязательно те, кто включен в привычный круг общения в рамках социальных сетей в интернете. Ему противопоставлен образ «чужих», в который входят субъекты, в той или иной степени связанные с властью или с государством, — государственные институты или люди, их представляющие.

В отличие от представителей старших поколений, у которых идентичность часто опирается на представления об определенной территории (город, регион), для молодежи, проводящей значительную часть времени в сети Интернет, образ «своих» соотносится скорее с их присутствием в группах на одних и тех же ресурсах. Именно в процессе взаимодействия в этих группах формируются основные представления о содержании моральных и иных ценностей — в целом очень размытые и плохо систематизированные.

При этом при анализе тенденций интерпретации моральных ценностей прослеживается закономерность, на основе которой происходит оценка событий или действий тех или иных социальных или политических акторов. Действия «своих» чаще воспринимаются как морально оправданные и соответствующие ценностям предпочтениям респондента, в то время как действия условных «чужих» (власти, государства) будут скорее негативно оцениваться с точки зрения этих предпочтений.

Эта тенденция, при слабом знании молодежью правовых норм, создает основу для манипулирования ее сознанием и поведением, предлагая под эгидой защиты моральных ценностей — справедливости, свободы или прав человека — участвовать или поддерживать политическую активность, направленную против государства, государственных законов и институтов («чужих») в защиту тех политических акторов, которые позиционируются в качестве «своих».

Эта тенденция, при слабом знании молодежью правовых норм, создает основу для манипулирования ее сознанием и поведением, предлагая под эгидой защиты моральных ценностей — справедливости, свободы или прав человека — участвовать или поддерживать политическую активность, направленную против государства, государственных законов и институтов («чужих») в защиту тех политических акторов, которые позиционируются в качестве «своих».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Селезнева А.В., ред. Новая политическая этика российской молодежи. М.: Аквилон; 2021. 206 с.
2. Гусейнов А.А. Мораль и политика: уроки Макиавелли. *Философский журнал*. 2014;2(13):5–23.
3. Сазонова А.А. Политическая этика как основание новой мировоззренческой парадигмы. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия*. 2016;(3):76–81.
4. Федорова М.М. Философия и политика. *Философский журнал*. 2012;2(9):17–26.
5. Прокофьев А.В. Моральная ответственность в политике: взгляд через призму этики меньшего зла. *Философский журнал*. 2011;(1):103–114.
6. Капустин Б.Г. Моральный выбор в политике. М.: Издательство Московского университета; 2004.
7. Карадже Т.В. Политическая этика как направление политической науки. *Вопросы политологии*. 2014;2(14):5–15.
8. Оболонский А.В. Этика в сфере публичной политики как фактор социокультурных изменений. *Общественные науки и современность*. 2015;(4):65–82.
9. Sutor B. Politische Ethik. Gesamtdarstellung auf der Basis der Christlichen Gesellschaftslehre. Ferdinand Schoningh: Paderborn — Munchen — Wien — Zurich; 1991.
10. Семенов И.С. Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст. *Полис. Политические исследования*. 2016;(4):8–28.
11. Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. Трансформация национально-государственной идентичности российской молодежи в постсоветский период: ценностные основания и символические репрезентации. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*. 2017;(4):48–64.
12. Евгеньева Т.В., Титов В.В. Формирование национально-государственной идентичности российской молодежи. *Полис. Политические исследования*. 2010;(4):122–134.
13. Dittmann R., Ropf-Beck J. The Meaning of Being German: An Inductive Approach to National Identity. *Journal of Social and Political Psychology*. 2019;(7):423–447.
14. MacCrone D. Bechhofer F. Understanding National Identity. Cambridge: Cambridge University Press; 2015. 226 p.

REFERENCES

1. Selezneva A.V., ed. New political ethics of Russian youth. Moscow: Akvilon; 2021. 206 p. (In Russ.).
2. Guseinov A.A. Morality and Politics: The Lessons of Machiavelli. *Philosophical Journal*. 2014; 2(13):5–23. (In Russ.).
3. Sazonova A.A. Political ethics as the basis of a new ideological paradigm. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy*. 2011;(1):103–114. (In Russ.).
4. Fedorova M.M. Philosophy and Politics. *Philosophical Journal*. 2012;2(9):17–26. (In Russ.).
5. Prokofiev A.V. Moral responsibility in politics: a look through the prism of the ethics of the lesser evil. *Philosophical Journal*. 2011;(1):103–114. (In Russ.).
6. Kapustin B.G. Moral choice in politics. Moscow: Moscow University Press; 2004. (In Russ.).
7. Karadzhe T.V. Political ethics as a direction of political science. *Questions of political science*. 2014;2(14):5–15. (In Russ.).
8. Obolonsky A.V. Ethics in the sphere of public policy as a factor of socio-cultural changes. *Social sciences and modernity*. 2015;(4):65–82. (In Russ.).
9. Bernhard Sutor. Politische Ethik. Gesamtdarstellung auf der Basis der Christlichen Gesellschaftslehre. Ferdinand Schoningh: Paderborn – Munchen – Wien – Zurich; 1991.
10. Semenenko I.S. Identity politics and identity in politics: ethno-national perspectives, European context. *Polis. Political studies*. 2016;(4):8–28. (In Russ.).
11. Evgenieva T.V., Selezneva A.V. Transformation of the National-State Identity of Russian Youth in the Post-Soviet Period: Value Foundations and Symbolic Representations. *Politia: Analysis. Chronicle. Forecast*. 2017;(4):48–64. (In Russ.).
12. Evgenieva T.V., Titov V.V. Formation of the national-state identity of Russian youth. *Polis. Political studies*. 2010;(4):122–134. (In Russ.).
13. Dittmann R., Ropf-Beck J. The Meaning of Being German: An Inductive Approach to National Identity. *Journal of Social and Political Psychology*. 2019;(7):423–447.
14. MacCrone D. Bechhofer F. Understanding National Identity. Cambridge. Cambridge University Press; 2015. 226 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Татьяна Васильевна Евгеньева — кандидат исторических наук, доцент, профессор департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-4711-5476>
etv133@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Tatyana V. Evgenieva — Cand. Sci. (Historical Sciences), Associate Professor, Professor of the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-4711-5476>
etv133@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 19.12.2021; принята к публикации 05.02.2022.
Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.
The article was received on 19.12.2021; accepted for publication on 05.02.2022.
The author read and approved the final version of the manuscript.